

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
I. ДВА СТОЛЕТИЯ РЕАКЦИОННОЙ РИТОРИКИ	10
II. ТЕЗИС ОБ ИЗВРАЩЕНИИ	20
III. ТЕЗИС О ТЩЕТНОСТИ	53
IV. ТЕЗИС ОБ ОПАСНОСТИ	92
V. ТРИ ТЕЗИСА — СОПОСТАВЛЕННЫЕ И СОВМЕЩЕННЫЕ	145
VI. ОТ РЕАКЦИОННОЙ РИТОРИКИ К ПРОГРЕССИВНОЙ	161
VII. ПО ТУ СТОРОНУ БЕСКОМПРОМИССНОСТИ	176
БЛАГОДАРНОСТИ	183
А. СМИРНОВ. АЛЬБЕРТ О. ХИРШМАН: НАРУШИТЕЛЬ ГРАНИЦ	186

*Саре, моему главному читателю
и критику на протяжении последних
пятидесяти лет*

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Как человек становится таким, каков он есть?» В истории, которой посвящена статья Джамайки Кинкейд из *New Yorker* (1989. June 26. P. 32–38), молодая женщина-карибка все время настойчиво задается этим вопросом в отношении своего работодателя, Марии — темпераментной, очень дружелюбной и несколько надоедливой матери четверых детей родом из Северной Америки. Нет никакого сомнения в том, что ответ на поставленный вопрос во многом зависит от социальных и расовых различий. Однако, когда я читал эту историю, я вдруг понял, что вопрос Кинкейд, т.е. беспокойство об огромной, упрямой и раздражающей инаковости других, имеет самое непосредственное отношение к замыслу моей работы.

Тревожащее ощущение собственной оторванности не просто от мнений, но от всего жизненного опыта большого числа собственных современников, на самом деле типично для современных демократических обществ. Сегодня, когда все превозносят демократическую модель, размышления об изъянах западной демократии могут показаться неуместными. Но именно зрелищное и воодушевляющее крушение одних стен заставляет нас обратить внимание на те стены, которые остаются нетронутыми, на те разломы, которые продолжают углубляться. Среди них есть один, который очень часто можно наблюдать в самых развитых демократиях: систематическая нехватка общения между такими группами граждан, как либералы и консерваторы, прогрессисты и реакционеры. Вытекающая отсюда обособленность больших групп граждан друг от друга кажется мне более тревожащей, чем изоляция анонимных индивидов в «массовом обществе», о чем столь громогласно заявляют социологи.

Любопытно, но сама стабильность и должное функционирование грамотно устроенного демократическо-

го общества зависит от деления граждан на несколько крупных (желательно на две) четко определенных групп, придерживающихся разных мнений относительно базовых политических проблем. Вполне может получиться, что между этими группами вырастет настоящая стена — в этом смысле демократия все время возводит собственные стены. Как только данный процесс завершится, каждая группа в затруднении и нередко с взаимным отвращением начнет вопрошать друг о друге: «Как эти люди стали такими, какие они есть?»

В середине 1980-х, когда данное исследование только начиналось, было очевидно, как многие либералы в США, включая и меня самого, оценивали нарождающееся и усиливающееся консервативное и неоконсервативное движение. Одной из реакций на это усиление стало вопрошание о складе ума консерватора и типе его личности. Однако подобная лобовая и будто бы глубокая атака не казалась мне особенно перспективной. Было очевидно, что она приведет лишь к углублению раскола, а также к ненужной зачарованности демонизированным оппонентом. Отсюда мое решение сосредоточиться на «холодном» анализе внешних феноменов: дискурсов, аргументов и риторики, рассмотренных исторически и аналитически. В процессе моего исследования выяснится, что дискурс определяется не столько базовыми чертами личности, сколько *императивами аргументации*, практически не зависящими от желаний, склада характера или убеждений участников. Выявление этой рабской зависимости от аргументации вполне может способствовать ее ослаблению, тем самым модифицируя дискурс и восстанавливая общение.

Тот факт, что предпринятое мной исследование действительно обладает указанными достоинствами, подтверждается тем, что мой анализ «реакционной риторики» ближе к концу книги делает резкий поворот и охватывает — к моему вящему удивлению — в том числе и риторику либеральную, прогрессивную.

І. Два столетия реакционной риторики

В 1985 г. (незадолго до избрания Рональда Рейгана президентом Соединенных Штатов на второй срок) Фонд Форда запустил очень амбициозный проект. Движимый, несомненно, тревогой касательно усиливающейся неоконсервативной критики программ социальной защиты и прочих социальных программ, фонд решил собрать группу граждан, которые после тщательного обсуждения и изучения всех возможных данных должны были вынести авторитетное суждение по поводу вопросов, которые обсуждались тогда под общей рубрикой «Кризис государства всеобщего благосостояния»¹.

Во вступительной речи Ральф Дарендорф (который, как и я, был членом назначенной группы) обозначил проблему, которой предстояло стать предметом нашего обсуждения, в ее историческом контексте, вспомнив знаменитую лекцию английского социолога Т.Х. Маршалла 1949 г., посвященную «развитию института гражданства» на Западе². Маршалл провел разделение между гражданским, политическим и социальным измерением гражданства, затем он перешел к разъяснению (вполне в духе виговской интерпретации истории) того, как более просвещенные человеческие общества успешно осваивали эти измерения одно за другим. Согласно схеме Маршалла, в которой на выполнение каждой из трех задач отводилось по одному столетию,

¹ Позднее этот доклад был опубликован: *The Common Good: Social Welfare and the American Future (Policy Recommendations of the Executive Panel)*. N. Y.: Ford Foundation, 1989.

² *Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.: ГУ ВШЭ, 2010.*

XVIII в. стал свидетелем основных битв за *гражданские* свободы — начиная со свободы слова, мысли и вероисповедания и заканчивая беспристрастным судом, а также иными составляющими индивидуальных свобод. Грубо говоря, речь здесь идет о «правах человека» в том виде, в каком они известны нам из доктрины естественного права и Американской, и Французской революции. В XIX в. основные баталии развернулись вокруг *политического* аспекта гражданства, т.е. права граждан участвовать в осуществлении политической власти, что было связано с распространением электро-рального права на все более широкие слои населения. Наконец, возникновение государства всеобщего благосостояния в XX в. привело к распространению понятия гражданства на *социальную* и *экономическую* сферы путем признания того, что для цивилизованной жизни и полноценной реализации гражданских и политических атрибутов гражданства необходимы минимальные стандарты образованности, здоровья, экономического благополучия и безопасности.

Когда Маршалл провозглашал свою величественную и последовательную картину постепенного прогресса, третья битва за утверждение гражданских прав, та, что велась в социальной и экономической области, казалась уже почти выигранной, особенно для лейбористской партии. То была Англия сразу после окончания Второй мировой войны, обеспокоенная вопросом обеспечения социальной защиты. Тридцать пять лет спустя Дарендорф указал на излишний оптимизм Маршалла в этом вопросе. Он отметил, что понятие социально-экономического измерения гражданства как естественного и желательного дополнения к гражданско-правовому и политическому измерению столкнулось со значительными трудностями и противодействием; ныне оно нуждается в значительном переосмыслении.

Троичная трехвековая схема Маршалла придавала проблеме, рассматриваемой нашей группой, величественную историческую перспективу и предлагала

Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность великолепную отправную точку для исследований. Но после некоторого размышления мне показалось, что Дарендорф не довел свою критику до конца. Разве за каждым из прогрессивных скачков, выделенных Маршаллом, а не только за последним, не следовал необычайно сильный идеологический контрудар? И не лежали ли подобные контрудары в основе судорожной социальной и политической борьбы, которая зачастую вела к отходу от запланированных прогрессивных программ, а также к людским страданиям и нищете? Тот отпор, который встречает государство всеобщего благосостояния, может оказаться еще достаточно мягким по сравнению с прежними битвами и конфликтами, которые в XVIII в. последовали за утверждением индивидуальных свобод, а в XIX — за расширением политического участия.

Стоит лишь немного поразмыслить над этим затянувшимся и опасным переплетением действия и противодействия или реакции, как мы придем к пониманию глубокой мудрости Уайтхеда, который заметил, что «основные достижения в развитии цивилизации были осуществлены за счет процессов, которые чуть было не сломили те общества, в которых они происходили»³. Именно это суждение, а вовсе не гладкие неумолимые констатации прогресса, схватывают глубоко амбивалентную сущность того, что столь обтекаемо называют «развитием гражданства». Сегодня вполне можно задаться вопросом о том, не был ли Уайтхед, писавший в 1920-х годах, слишком умеренным в своих суждениях: для некоторых обществ, причем далеко не последних, его утверждение было бы более точным, если бы мы убрали из него уточнение «чуть не».

ТРИ РЕАКЦИИ И ТРИ РЕАКЦИОННЫХ ТЕЗИСА

Таким образом, у нас есть веские основания для того, чтобы сосредоточиться на анализе реакций на

³ *Whitehead A. Symbolism. N. Y.: Capricorn, 1959. P. 88.*

последовательное продвижение вперед. Для начала хотелось бы кратко пояснить, что именно я имею в виду под «тремя реакциями», или реакционными волнами, так как последние могут быть гораздо более разнообразными и диффузными, чем предполагает достаточно прямолинейная триада Маршалла.

Первая реакция — это идейное движение, последовавшее за утверждением всеобщего равенства перед законом и провозглашением общих гражданских (civil) прав (гражданский компонент гражданства в терминологии Маршалла) и противостоявшее им. При вычленении этого движения возникает одна трудность: наиболее громко данные права провозглашались на ранних стадиях и в результате Великой французской революции. Таким образом, тогдашняя реакция против этих прав была переплетена с противодействием Революции и всем ее плодам. Несомненно, что выступления против Декларации прав человека и гражданина были в гораздо большей степени вызваны событиями, которые привели к утверждению Декларации, чем самим ее текстом. Но радикальный контрреволюционный дискурс, который вскоре возник, отказывался проводить различие между позитивными и негативными аспектами Французской революции. Отказывался он и идти на уступки и признавать, что подобные позитивные аспекты вообще были. Предвосхищая то, что позднее станет лозунгом левых сил (*la Révolution est un bloc*^{4*}), первые противники революции рассматривали ее как единое согласованное целое. Стоит обратить внимание на то, что первое общее осуждение Революции — «Размышления о революции во Франции» Эдмунда Берка — началось с последовательной критики Декларации прав человека. Серьезно относясь к идеологии Революции, контрреволюционный дискурс включал в том числе и отвержение текста, которым революционеры больше всего гордились.

^{4*} Революция есть нераздельное целое (фр.). — Примеч. перев.

В таком виде данный дискурс и сформировался как фундаментальное интеллектуальное течение, заложив основу для современного консерватизма.

Вторая реакционная волна — та, что противостояла всеобщему избирательному праву, — в гораздо меньшей степени сознавала себя контрреволюционной или, в данном случае, контрреформистской. Лишь немногие ее представители открыто призывали к отказу от практик народного участия в политике, которые получили распространение благодаря расширению избирательных прав в XIX столетии (а также расширению полномочий «нижних» палат парламента). Во многих странах движение к всеобщему избирательному праву (которое вплоть до XX в. предоставлялось исключительно мужчинам) было делом постепенным, поэтому критикам было трудно сформировать единый фронт. Более того, после ликвидации различий между дворянством, духовенством и простолюдинами просто не существовало того явного рубежа, на котором продвижение политической демократии могло бы остановиться. Тем не менее из нескольких влиятельных течений, которые возникли именно тогда, когда произошли основные прорывы в борьбе за расширение избирательного права, все же можно *сконструировать* идеологическое контрдвижение. Начиная с последней трети XIX в. и вплоть до Первой мировой войны и далее был накоплен огромный слой разнородной литературы — философской, психологической, политической и публицистической, — собравшей все вообразимые аргументы в пользу пренебрежительного отношения к «массам», большинству, парламентскому правлению и демократическому государству. И хотя предложения по альтернативному устройству институтов практически полностью отсутствовали, львиная доля подобной литературы явно или неявно предостерегала об ужасных опасностях, угрожающих обществу в результате движения по пути демократизации. Оглядываясь назад, можно сказать, что именно эти сочинения отчасти несут ответственность за разрушение демократии в Италии и Германии

в межвоенный период, а также за тот антидемократический поворот, который приняла Русская революция, как я покажу в конце пятой главы. Соответственно вторая реакция, если этот термин корректен, ответственна за возникновение самого впечатляющего и разрушительного примера самоисполняющегося пророчества. Любопытно, что реакция, которая меньше всего сознательно стремилась повернуть вспять наблюдаемые тенденции и реформы, в результате обрела — и была позднее обвинена в этом — самое разрушительное влияние.

Теперь мы подходим к третьей реакционной волне: я имею в виду современную критику государства всеобщего благосостояния, а также попытки отказаться от некоторых из его столпов или «реформировать» их. Но эти вопросы, возможно, не требуют подробного рассмотрения здесь. Как непосредственные каждодневные наблюдатели этого движения мы на уровне здравого смысла, конечно, обладаем некоторым пониманием происходящего. В то же самое время, хотя в огромном количестве литературы и с экономической, и с политической точки зрения уже раскритикован буквально каждый аспект государства благосостояния, хотя уже состоялись намеренные покушения на программы и институты социального обеспечения со стороны влиятельных политических сил, говорить об итогах новой реакционной волны пока еще слишком рано.

Как станет ясно из этого краткого обзора, интересующая меня проблема широка; стараясь совладать с темой, мне придется быть в высшей степени избирательным. Следовательно, было бы полезно сразу обозначить, чего я *не* буду здесь делать. Во-первых, я не собираюсь писать еще одну книгу о природе и исторических истоках консервативной мысли⁵. Скорее моя

⁵ Среди работ на эту тему см.: *Bourricaud F. Le retour de la droite.* Paris: Calmann-Lévy, 1986; *Godechot J. La contre-révolution.* Paris: Presses Universitaires de France, 1961; *Kirk R. The Conservative Mind, from Burke to Eliot.* Chicago: Regnery, 1960; *Манхейм К. Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени.* М.: Юрист, 1994; *Оукиот М. Рационализм*

цель — проследить формальные типы аргументов или риторики; и я буду делать акцент на основных полемических позициях и маневрах, которые любят использовать те, кто стремится развенчать и опровергнуть «прогрессивную» политику и прогрессивные идеи. Во-вторых, я не буду пускаться в широкий и неторопливый исторический пересказ тех успешных реформ и контрреформ, тезисов и антитезисов, которые явились на свет после Французской революции. Вместо этого я сосредоточусь на нескольких общих и типичных аргументах, которые непременно приводятся представителями каждого из трех упомянутых реакционных движений. Эти аргументы станут основным принципом деления моего текста. «Три реакции» будут рассмотрены в привязке к каждому из этих аргументов, что позволит выявить те различные формы, которые они принимали в различных исторических контекстах.

Что это за аргументы и сколько их? Должно быть, у меня есть врожденная склонность к симметрии. Описывая основные ухищрения критики в атаке и осмеянии трех успешных «прогрессивных» рывков, описанных Маршаллом, я пришел к еще одной триаде, т.е. к трем принципиальным реактивно-реакционным тезисам, которые я назвал тезисом об *извращении* (или тезисом об извращенных последствиях), тезисом о *тщетности* и тезисом об *опасности*. Согласно тезису об *извращении* любое осмысленное действие по улучшению политического, социального или экономического порядка приведет лишь к усугублению тех остоятельств, которые пытаются исправить. Тезис о *тщетности* гласит, что попытки общественного реформирования окажутся бесплодными, они попросту ни к чему не приведут. Наконец, тезис об *опасности*

в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002 (см. особ. его статью с названием, вынесенным в заглавие, а также эссе «Что значит быть консерватором»); *Quinton A. The Politics of Imperfection*. L.: Faber & Faber, 1978; *Scruton R. The Meaning of Conservatism*. L.: Macmillan, 1980; *Steinfels P. The Neoconservatives*. N. Y.: Simon & Schuster, 1979.

утверждает, что цена за предлагаемые изменения и реформы будет слишком высокой, так как она ставит под угрозу некоторые прежние ценные достижения.

Конечно, эти аргументы не являются исключительной собственностью «реакционеров». Они могут быть использованы любой группой, которая противостоит или выступает с критикой какой-либо предложенной или проводимой в жизнь политики. Всякий раз, когда консерваторы или реакционеры оказываются у власти и пытаются проводить свою политику и реализовывать свои программы, они могут подвергнуться критике со стороны либералов и прогрессистов, использующих в своих речах тезисы об извращении, тщетности и опасности. Но все же данные аргументы, как правило, используются с целью консервативной критики существующей или предлагаемой политики, а главные протагонисты здесь — консервативные мыслители. Это будет показано в главах со второй по шестую. Глава шестая разбирает соответствующие аргументы со стороны конкурирующего прогрессивного лагеря; данные аргументы тесно связаны с тезисами реакционеров, но все же они следуют несколько иной логике.

Другие три центральные главы данной книги по очереди разбирают каждый из указанных тезисов. Но прежде чем я перейду к рассмотрению тезиса об извращении, хотелось бы дать краткий обзор истории понятий «реакция» и «реакционер».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОНЯТИИ «РЕАКЦИЯ»

Пара «действие»/«противодействие» («реакция») вошла в употребление благодаря третьему закону Ньютона, который гласит: «за каждым действием следует равное ему противодействие (реакция)»⁶. Рожденные в рамках крайне престижной тогда науки ме-

⁶ См.: *Starobinski J. La vie et les aventures du mot 'réaction' // Modern Language Review. 1975. Vol. 70. No. 4. P. xxii–xxxi; также см.: Baczko B. Comment sortir de la terreur: Thermidor et la Revolution. Paris: Gallimard, 1989. P. 328–336.*

ханики эти два понятия распространились и на другие сферы, они стали широко использоваться при анализе общества и истории в XVIII в. Например, Монтескье писал: «В нем [в государстве] дело обстоит так же, как с частями вселенной, вечно связанными друг с другом посредством действия одних частей и противодействия других»⁷. Третий закон Ньютона использовался Джоном Адамсом для обоснования двухпалатного конгресса во время споров о Конституции США⁸.

Поначалу слово «реакция» не имело никакого уничижительного оттенка. Стойкое закрепление данного оттенка произошло во время Французской революции, особенно после великого водораздела, каковым стали события Термидора⁹. Все это уже заметно в юношеском трактате Бенджамина Констан *De reactions politiques* («О политических реакциях»), который был написан в 1797 г. с явной целью раскритиковать то, что автор считал новым этапом революции, на котором реакция против эксцессов якобинцев могла породить еще более ужасные эксцессы. Эта самая мысль вполне могла внести свой вклад в возникновение уничижительного оттенка, но текст Констан содержит и еще один поворот. Удивительно, но предпоследнее предложение его памфлета оказывается хвалой прогрессу: «С тех пор как дух человека вступил на путь непрерывного движения вперед... никакое вторжение варварства, никакая коалиция душителей и никакое обращение к предрассудкам уже не заставят его повернуть вспять»¹⁰.

⁷ Монтескье III. Размышления о причинах величия и падения римлян. Гл. IX. Две причины гибели Рима.

⁸ Cohen B. The Newtonian Scientific Revolution and Its Intellectual Significance // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. 1987. Vol. 41. No. 3. P. 16.

⁹ Brunot F. Histoire de la langue française des origines à 1900. Vol. 9. Pt. 2. Paris: A. Colin, 1922–1953. P. 844.

¹⁰ Constant B. Ecrits et discours politiques. Vol. 1. Paris: Jean-Jacques Pauvert, 1964. P. 84–85.

Дух Просвещения с его верой в триумфальное движение вперед явно пережил Революцию даже в среде ее критиков, несмотря на террор и прочие несчастья. Можно было сетовать на «эксцессы» Революции, что Констан и делал, но при этом продолжать верить как в прогрессивное шествие истории, так и в то, что Революция есть его часть. Таковым должно было быть доминирующее настроение того времени. Иначе очень трудно объяснить, почему те, кто «реагировал» на Революцию преимущественно в негативном ключе, стали восприниматься и осуждаться как «реакционеры», желающие «повернуть время вспять». В этом выражении проглядывает еще одно представление, показывающее, насколько наш язык зависит от веры в прогресс: подразумевается, что простое течение времени приносит человечеству улучшения, и поэтому любое возвращение назад оказывается гибельным.

С точки зрения темы моего исследования негативные импликации понятий «реакция» и «реакционер» есть неудачное стечение обстоятельств, и я буду стараться использовать данные понятия без постоянных отсылок к ценностным суждениям. Именно по этой причине я иногда прибегаю к альтернативным и более нейтральным понятиям, таким как «контрудар», «реактивный» и т.д. Однако в большинстве случаев я все же буду придерживаться более устоявшегося использования, прибегая иногда к кавычкам с целью обозначить отсутствие у меня умысла употреблять эти слова в уничижительном значении.

II. Тезис об извращении

Исследование семантики понятия «реакция» указывает на важные особенности «реакционного» мышления. По причине глубоко прогрессистского характера современности «реакционеры» оказываются во враждебном окружении. Они противостоят тому интеллектуальному климату, в котором любой сколь угодно высокопарной цели, поставленной на повестку дня самопровозглашенными «прогрессистами», гарантировано позитивное отношение. Учитывая такое состояние общественного мнения, реакционеры едва ли могут начать тотальную атаку на эту цель. Скорее они ее примут, искренне или нет, а затем уже попытаются доказать, что предлагаемые или предпринимаемые действия плохи; они попытаются убедить окружающих, что данное действие по цепочке непреднамеренных следствий приведет к *прямой противоположности* той цели, которая провозглашается и преследуется.

На первый взгляд, это очень смелый интеллектуальный маневр. Структура аргументации восхитительно проста, тогда как сам тезис довольно радикален. Речь идет не просто о том, что данное движение или данная политика не достигнет цели или же приведет к неожиданным издержкам, а может быть, даже и к непредсказуемым побочным эффектам, а о том, что *попытка развить общество в определенном направлении приведет к его движению ровно в противоположном направлении*. Простой, интригующий и разрушительный (если он действительно справедлив), этот аргумент пользовался популярностью у целых поколений «реакционеров», был он в ходу и у более широкой публики. В текущих дебатах тезис зачастую используется для указания на нелогичный, контрпродуктивный или, точнее, *извращенный эффект* некоторой «прогрессивной»

или «благонамеренной» политической стратегии¹. Попытки достичь свободы утопят общество в рабстве, поиск демократии приведет к олигархии и тирании, программы социального обеспечения приведут лишь к еще большей, а не меньшей бедности. *Все приводит к обратным результатам.*

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ЭФФЕКТА ИЗВРАЩЕНИЯ

Подобно многим другим элементам реакционной риторики, данный аргумент был провозглашен в качестве основополагающего принципа сразу после Французской революции. Его можно найти уже в работе Эдмунда Берка «Размышления о революции во Франции». По сути, тут и не требовалась особая изобретательность: после того как свобода, равенство, братство превратились в диктатуру Комитета общественного спасения (а затем и в режим Бонапарта), мысль о том, что некоторые попытки достижения свободы просто обязаны привести к тирании, так и просилась на ум. Более того, наблюдение о том, что демократия с легкостью деградирует в тиранию, — это очень давнее наблюдение. В сочинениях Берка примечательно то, что он, во-первых, предсказал подобный исход еще в 1790 г., а во-вторых, его разрозненные замечания по данному вопросу вскоре были распознаны как фундаментальное прозрение относительно социальной динамики. Берк пророчил установление «бесчестной олигархии, основанной на разрушении монархии, церкви, дворянства и народа. Так кончаются все грезы о равенстве и правах человека». Также он предвидел вакханалию военных вмешательств во время различного рода гражданских беспорядков, он пророчество-

¹ Социологический обзор случаев эффекта извращения см.: Boudon R. Effets pervers et ordre social. Paris: Presses Universitaires de France, 1977.

Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность
вал: «Массовые убийства, пытки, повешенные. Таковы
ваши права человека!»²

Английский историк Альфред Коббан заметил, что «точные предсказания Берка, касающиеся хода революции, ...служат свидетельством добротной теории»³. Но сколь «справедливой» и корректной ни была бы теория, лежащая в основе анализа Берка, многие его современники были потрясены не просто силой его красноречия, но твердостью его убеждений. Аргумент укоренился, его повторяли и придали ему еще более общую трактовку, особенно в этом усердствовали иностранные наблюдатели, которые пытались извлечь из случившегося во Франции практические «уроки» для своих собственных стран. Так, Шиллер писал в 1793 г.:

Попытка французского народа ввести святые права человека и завоевать политическую свободу лишь выявили его немощность и никчемность в этом отношении; в результате не только эти несчастные люди, но и значительная часть Европы, а также все столетие было отброшено назад к варварству и рабству⁴.

Особенно резкую, хотя и несколько тяжеловесную формулировку предложил немецкий романтик-политэконом Адам Мюллер, близкий друг и протеже Фридриха фон Гентца, помощника Меттерниха, который, будучи еще молодым человеком, перевел «Размышления» Берка на немецкий язык. Когда Революция в итоге привела к Наполеону, Мюллер провозгласил:

История Французской революции представляет собой доказательство, постоянно подтверждаемое событиями последних тридцати лет, что человек, действующий по своей

² Берк Э. Размышления о революции во Франции. М.: Рудомино, 1993. С. 131–140.

³ Cobban A. Edmund Burke and the Revolt against the Eighteenth Century. L.: Allen & Unwin, 1929. P. 123.

⁴ Письмо Фридриха Шиллера герцогу Фридриху Кристиану фон Огюстенбургу от 13 июля 1793 г. (Schiller's Briefe. Vol. 3 / F. Jonas (ed.). Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1892–1896. S. 333).

воле и не принимающий религию в расчет, не способен разорвать те цепи, которые сковывают его, без того чтобы не погрузиться в результате в еще большее рабство⁵.

Здесь гипотезы Берка превращаются в жесткий исторический закон, способный служить идеологической подпоркой для Европы времен Священного союза.

Удивительная способность Берка предвидеть ход Французской революции была приписана силе его страстной вовлеченности в происходящие события⁶. Однако вполне можно предположить и то, что его формулировка эффекта извращения имеет также и интеллектуальные истоки: он был знаком с традицией шотландского Просвещения, которая делала упор на значимости непреднамеренных следствий человеческого действия. Наиболее известным применением данного понятия было учение о «невидимой руке» Адама Смита, с экономическими взглядами которого Берк был полностью солидарен.

Смит, как и Мандевиль, и прочие (например, Паскаль и Вико) до него, показал, как индивидуальные поступки, движимые жадностью и жаждой роскоши («частные пороки» Мандевилля) — или, несколько смягчая, движимые эгоизмом — могут оказывать позитивное влияние на общество и способствовать возникновению процветающего содружества. Придавая этой идее более поэтическое звучание, Гете в конце столетия определил своего Мефистофеля как «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

⁵ Müller A. *Schriften zur Staatsphilosophie* / R. Kohler (ed.). München: Theatiner-Verlag, 1923. S. 232. Данная цитата взята из эссе Мюллера 1819 г. «О необходимости теологической основы для социальных наук и особенно для политической экономии»; это эссе обильно цитируется Карлом Шмиттом: *Schmitt C. Politische Romantik*. München: **Duncker und Humblot**, 1925. S. 170.

⁶ Так пишет Конор Круиз О'Брайан в своем введении к Берку: *Burke E. Reflections on the Revolution in France*. Middlesex: Penguin Classics, 1986. P. 70–73.

Таким образом, была прекрасно подготовлена интеллектуальная почва для того, чтобы утверждать, что в некоторых случаях может произойти прямо противоположное. Именно это и сделал Берк, столкнувшись с беспрецедентной попыткой Французской революции перестроить общество: он заставил благо и зло из утверждения Мефистофеля поменяться местами, он утверждал, что итогом устремлений революционеров к общественному благу станут зло и бедствия, что будет полной противоположностью провозглашаемым целям и чаяниям.

С одной стороны, тезис Берка представляется (и мог представляться таковым ему самому) лишь вариацией на хорошо известную в XVIII столетии тему. С другой же стороны, то был радикальный идеологический поворот от Просвещения к романтизму, от оптимизма по поводу прогресса к пессимизму. Масштабные и якобы внезапные идеологические повороты могли происходить именно таким образом. Формально тут требуется лишь незначительная модификация знакомых паттернов мысли, но новый вариант сочетается с совсем другими верованиями и предпосылками, он *внедряется* в них и формирует совершенно новый образ, так что тесные связи между старым и новым оказываются почти полностью неузнаваемыми.

В данном случае начало такой трансформации было положено медленным зарождением новой надежды на мировой порядок. Начиная с XVI в. было признано, что религиозная экзальтация и моральные увещания не способны обуздать и изменить человеческую природу, чтобы обеспечить общественный порядок и экономическое благосостояние. С ростом промышленности и коммерции в XVII и XVIII вв. многие влиятельные мыслители стали утверждать, что некоторые неискоренимые людские «грехи», такие как постоянная корысть, могут, если направить их в нужное русло, способствовать возникновению минимально работающего, и возможно, даже прогрессивного общества. Для Паскаля, Вико и Гете этот парадоксальный процесс предпола-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru